

АВТОПОРТРЕТ

Леонид
Филатов:

Литургия - 1990 - 31 марта

ОСТАВИТЬ ДУШУ ОТКРЫТОЙ

Во многих письмах в редакцию находили мы пожелание: «Пригласите на страницы газеты Филатова, хочется знать, чем занят он сейчас, что думает о нынешних событиях в стране, какие у него творческие планы!»

И вот мы беседуем с артистом. Как водится, первый вопрос традиционен:

— Что у вас новенького, Леонид Алексеевич?

— Написал сценарий для кино, и он в «запуске». Картину снимать буду сам. Это, если говорить о жанре, скорее трагикомедия. Будет называться «Сукины дети». Грубовато, но писал я с большой любовью к своим героям — собратьям по профессии. Сам играть в этом фильме не буду. На съемки отведено 2,5 месяца — очень мало. Работать придется на студии «Мосфильм». Ну и еще: в издательстве «Книга» готовится к выпуску мой сборник стихов...

— Как у вас складывается процесс творчества?

— Что это за жар-птица — вдохновение? Когда она прилетает? По какому графику? — я не ведаю. Просто заставить себя работать — писать сценарий, стихи — я не могу, хотя трудился много и через «не могу». Но стараюсь держать себя в рабочем режиме.

— Однажды вы сказали: «Если искусство не вселяет надежду, оно — безнравственно». Почему именно так?

— Есть примеры. Вот сейчас очень много жалоб, претензий к театру, к кинематографу: «чернуха» идет... И можно понять людей в зале, ибо искусство — это милосердие, искусство — это и здоровье нации. Конечно, в творчестве нельзя действовать только утешительными средствами. Порою необходимы и жесткие способы воздействия на человека.

Сейчас все ранее «запрещенные плоды» сразу хлынули. Их и пугаются пожилые люди, жившие и воспитанные по иным понятиям. И тут есть чего пугаться. В кинематографе, например, немало кокетничавших в «чернуху». Так и тянет спросить их: «Если, по-вашему, все так плохо, ну прямо конец света, и будто бы жить совсем незачем, чего же долдонить об этом бесконечно да еще за государственный счет? Да еще малохудожественными средствами? Зачем? Чтобы заработать деньги? Тогда лучше снимай фильмы ужасов. Снимай вампиров, мертвецов, встающих из гроба. Это, всем понятно, сказки. Они были всегда — про чертей, про ведьм, про покойников...»

— Чем вы объясняете такое состояние искусства?

— В России всегда талантливые, прозренческие произведения рождались на сопротивление как бы «низов» «верхам». И вдруг ситуация: «верхи» ничему, по сути, не сопротивляются. И «низы»... ринулись друг против друга. Возникла, например, литературная полемика, которая никакого отношения ни к литературе, ни к истории не имеет, а имеет отношение к личным амбициям и к жажде власти. Уже добрались до всех фигур, перетрясли всю нашу 72-летнюю историю. И даже в этом успели соскучиться. Так вновь проявила себя истина: помявшись, ты погасил в себе желание изучать, ты все якобы знаешь. А надо оставить душу и уши открытыми, чтоб ты мог еще и плакать.

Да, сегодня и на сцене, и в кино можно ставить что угодно. Ладно, пусть будут на сцене все голые. Ну а дальше что? Разве в этом заключалась когда-нибудь тайна? Мы всегда догадывались, что под одеждой мы голые. И это не есть последняя тайна в области духа...

Задумавшись: казалось бы, шлюзы открыты, и вдруг выяснилось — мало отсюда потекло воды. Как-то даже странно. Что же плотина собирала все эти годы? Злобу?

— Это для вас неожиданно?

— Вопрос неоднозначный. В

былые времена многие у нас считали, что они если не впереди своей эпохи, то хотя бы вровень. Но вот публикуются некогда не напечатанные произведения авторов, которые в ту пору думали гораздо глубже, видели острее, точнее, а иные просто отдали жизнь, чтобы изменить нашу систему... Сравниваешь себя с ними, и выясняется: мы были не самые передовые, не самые-самые... Те — люди поотважнее. Это и они готовили перестройку — огромное число наших соотечественников, включая Андрея Дмитриевича Сахарова, многих писателей, отважных журналистов. Шли они на риск, лишились не только работы, но и попадали за решетку. Благодаря им, тогда безвестным, всегда была и есть надежда, что страна вылезет из грязи. Хотя мы и одичали изрядно, обозлены, все равно я думаю: при такой истории и таком количестве от природы благородных людей не может быть, чтобы мы не выгнали самих себя из рутины. Верю: должно что-то произойти, измениться в лучшую сторону. Пусть медленно, пусть со скрипом, с жертвами, но должно...

— Но ничто не происходит само собой. Изначально в точности отсчета всех перемен — человек. От того, как он мыслит и действует, зависят и результаты.

— Не возьмусь говорить «в общем и целом». Что касается меня... Не хватает знаний. Я мечтал, например, всю жизнь изучить хотя бы один иностранный язык, но — блестяще, глубоко.

Долгое время считал, что я человек вроде бы знающий. Потом, как выяснилось, не знающий, а — нахватанный. В сравнении же с людьми энциклопедически образованными — просто невежественный. Вот и думаешь: когда же «круки дойдут»? Я уж не говорю о том, что библию взял совсем недавно, хотя вся мировая культура на ней построена. А без знания библии многое ли я понимаю в западной живописи, где действительно многое навеяно библейскими мифами?

И, конечно, приходишь в ужас, когда осознаешь, как множится количество непрочтенных книг. А у тебя уже и времени, и жизни не хватает... И мало утешает, что ты не один такой...

— Нет ли у вас впечатлений, что нынче, когда у многих проявляется тага и коммерции, деловая хватка, начинаю у нас главенствовать не духовные, а личностно-экономические приоритеты?

— Вы имеете в виду жизненные блага? Машина, дача, высокий оклад? На мой взгляд, стремление жить лучше, богаче — не осудить. Только... Я думаю: разве дача, машина, оклад — это то, ради чего стоит жить? Ну, хочется, чтобы поднялась страна, чтобы не тратил время на стояние, скажем, в очереди за куском колбасы. Чтобы всегда все было в магазинах. Не может человек просыпаться постоянно с одной мыслью: «Где взять еду?». Не может. Это нормально. Вместе с тем допустим: у каждого — дача, машина, оклад, компьютер... И ты что, счастлив? Ну а сам-то кто ты? Что — ты? А где же то, что называем «дух»? А как же быть с «не хлебом единым»? И хлеб должен быть, и мясо, и колбаса, и рыба, и сыр... Но уже перечисление такое, понимаете, как бы унижает перечисляющего. Неужто ни о чем тебе больше не мечтается? Ведь есть еще жизнь духа — такая субстанция, которая не поддается никакому определению. Когда человек творит или когда он отдает, делает добро, счастлив он...

— Удалось ли вам, отдавая предпочтение пище духовной...

— ... к «пище из духовки» у меня отношения никакие. Я не гурман, ем то, что есть. Вообще всякие «ужины», «посиделки» не люблю, потому что они длятся безумно долго. И совершенно, к сожалению, лишен редкого таланта разбираться в сервировке, кушаньях и блюдах. По-студенчески ли, по провинциализму ли своему не усвоил, хотя согласен: это тоже момент прекрасного в жизни — еда.

— Извините, закончу вопрос: удаётся ли вам и другим приобретать к пониманию важности духовных начал?

— Как бы я ни ответил, это будет не очень скромный ответ. Сколько мне за 40 с лишним лет удалось сказать и сделать полезного, столько и удалось. Судить не мне. Я пытался, но попытка — еще не есть результат. А ведь человек нравственный — это не только пытающийся, но и имеющий на этом поприще успехи! Трудно дотянуться до них, а может, даже невозможно будет за жизнь...

— Нужно ли и в подобных стараниях, как часто мы теперь призываем, «учиться у Запада»?

— Учиться — в этом ничего дурного нет. Но, понимаете, какая странность: мы уж очень напрягаемся, чтобы ни в чем «им» не уступить. Хотя уступили уже почти во всем. Возьмите те же конкурсы красоты. Они раздвоят, и мы своих разденем. Естественно, сложнее хороший трактор сделать и показать, автомобиль опять же. Давайте их покажем по всем параметрам... А мы начинаем с каких-то глупостей, желая доказать, что мы — такие же, как они. Не надо. Давно уже все поняли, что мы — не как они. Мы совершенно другие. У нас другие пути, другой уклад и способ жизни. Нельзя же во всем подражать Западу.

Мы же... Давайте мы сделаем что-нибудь очень красивое, значительное на фоне разрухи. Вот и покажем, что умеем не только учиться, но и учить.

К тому же и дома немало мест, где есть кого брать за образец. Вглядеться лишь нужно зорче. Применительно ко мне это — театр. Он и есть академия: и профессии, и какого-то житейского опыта, политических навыков, гражданских дерзаний, мироощущения... Потому что всегда наш режиссер Ю. П. Любимов был окружен огромным количеством писателей, ученых. Музыканты, литераторы и художники группировались вокруг Театра на Таганке. А мы, артисты, учились у них.

Впрочем, такая же «школа» доступна любому, хотя может называться заводом, институтом, мастерской... Тут в достойном человеке дело — найдя его и тянись к тем высотам, на которых он. Такой удачей я хочу пожелать каждому, кто недоволен собой и признается: «А ведь я, пожалуй, еще многое смог бы...»

Интервью вела
О. КАРЛОВА.